

А.Н.Афанасьев и воронежский фольклор

Александр Николаевич Афанасьев – фольклорист, мифолог, историк литературы, библиограф – известен каждому человеку, занимающемуся изучением русской народной культуры. А издание «Народных русских сказок» принесло ему всенародное признание.

Воронежский край, богатый самобытными, яркими именами поэтов, писателей и художников вправе гордиться таким его сыном, как А.Н.Афанасьев. Не случайно самые живописные места Воронежской губернии – Богучарский и Бобровский уезды, – расположенные по берегам Дона и Битюга, стали родиной будущего ученого.

Биография А.Н.Афанасьева дает нам ряд примеров, в которых наиболее ярко проявились такие черты его характера, как независимость, нетерпимость к насилию, самодурству, унижению личности, а также воля и стремление к учебе, всепоглощающая любовь к книге.

А.Н.Афанасьев родился 11 июля 1826 года в городке Богучар Воронежской губернии в семье уездного стряпчего. Вскоре семья переезжает в уездный город Бобров. Александр Николаевич рано потерял мать, но его отец сделал все возможное для воспитания сына. «Отец мой, хотя сам был воспитан на медные деньги, но уважал образование в других», – писал А.Н.Афанасьев в своих воспоминаниях, – «Такое уважение, кажется, наследовал он от деда, который был членом библейского общества и от которого осталась довольно порядочная по тому времени библиотека, составленная из русских книг; между ними больше всего было переводных романов, но попадались и книги серьезные, исторического и мистического содержания. Отец тоже любил чтение и постоянно выписывал лучшие журналы». (1, 261–262) Семья Афанасьева пользовалась заслуженным авторитетом. К отцу Афанасьева, по его свидетельству, постоянно обращались за юридическим советом. Удивительно, как смог он, имея небольшие средства, дать прекрасное, «полное» образование четырём сыновьям, а трех дочерей воспитывать в московском пансионе.

Любовь к книге перенял маленький Саша от деда и отца: «Пользуясь дедовской библиотекой, я рано, с самых нежных детских лет, начал читать, и как теперь помню, бывало, тайком от отца (мать моя умерла очень рано) уйдешь на мезонин, где помещались шкапы с книгами, и зимою в нетопленной комнате, дрожа от холода, с жадностью читаешь какого-нибудь "Старика везде и нигде", «Мальчика у ручья» Коцебу, «Разбойника поневоле». Такого полного наслаждения не испытывал я после, даже читая действительно художественные произведения. Что нравилось в этих книгах, сказать не легко; но с каким тревожным чувством следил я тогда за судьбой героя, как страдал и как радовался за него; его горести и счастье я прочувствовал вполне, и эта тревога чувств, так сильно волновавшая, имела какую-то неизъяснимую прелесть» (2, 262).

Эти слова уже сложившегося ученого раскрывают нам, как шел процесс формирования Афанасьева-читателя. Любовь и уважение к книге А.Н.Афанасьев пронесет через всю жизнь, его личная библиотека будет известна на всю Москву. Эта же любовь к книге будет руководить им и при подготовке им сборников сказок – кропотливым, тщательном труде.

Но как отмечает сам А.Н.Афанасьев любовь к чтению подготавливалась еще в раннем детстве, когда ему доводилось слушать сказки: «Чтение это сменило для меня сказки, которые, бывало, с таким же наслаждением и трепетом слушал я прежде, зимой по вечерам, в углу темной комнаты, от какой-нибудь дворовой женщины» (1, 362)

Начались долги годы учебы. До 11 лет маленький Саша находился под руководством двух Иванов – приходских священников отцов Иванов, которых он «посещал поутру и после обеда вместе с старшим братом и другими мальчиками и девочками, детьми уездного чиновного люда. Это ученье мне очень памятно, хотя из него я вынес немного.» (1, 259) Обучение велось по старинке: с разнообразными наказаниями, зубрежкой от сих до сих, но начальные знания по письму, чтению по-русски и по латыни, а позже от другого учителя и по-немецки, по арифметике и священной истории Афанасьев получил еще в Боброве.

С 11 лет отец отвозит А.Н.Афанасьева в Воронежскую губернскую гимназию, где он проводит 7 лет. В своих воспоминаниях А.Н.Афанасьев подробно рассказывает о характере и недостатках гимназического воспитания; дает детальную характеристику всех его учителей, манеры их преподавания. В гимназии царили жесткие методы обучения, практиковались наказания: отводили в карцер, ставили на колени, оставляли без обеда нередко весь класс, наконец, секли розгами, что называлось «водить в канцелярию». Характерно, что однажды после драки ученик 4 класса Афанасьев должен был подвергнут наказанию розгами. Будучи не в силах перенести это окорбление, он убежал из гимназии на квартиру. От лица гимназии было написано письмо отцу Афанасьева о позволении наказать его сына розгами, но «отец на это не согласился. Ответ отца вместе с письмом Д-ского я берегу, как дорогой для меня памятник светлого взгляда этого человека на воспитание» (1, 283) Эти слова будущего ученого-фольклориста объясняют природу его демократических убеждений.

Несмотря на отмеченные недостатки в обучении, гимназия, разумеется, много дала Афанасьеву. Он с благодарностью вспоминает преподавание законоучителя отца Владимира, «человека доброго, ласкового и обходительного», учителей истории и математики, физики. Преподавание же русской словесности оставляло желать лучшего. «Набожный наставник» делал упор в преподавании исключительно на произведения духовного содержания, с современной русской литературой практически не знакомил. «Исключение делалось только в пользу Муравьева и Жуковского». (1, 276). Другой учитель обращался к русской словесности, но давал оценки полностью противоположные истинному положению вещей. «Марлинский был похвален, Гоголь невыгодно выставлен, его комедия «Женитьба» названа *сальною*, древняя литература до Ломоносова признана несуществующею». (1, 276) Интересно, что особое возмущение вызвал у ученого-мифолога тот факт, что на занятиях приводились только два каких-то стихотворений «о Перуне и Бабе-Яге, весьма недавнего и плохого сочинения, в пример мифологических преданий о древнейшей словесности! О Кирше Данилове и народных песнях он не заикнулся» (1, 278).

Завершая свои размышления о преподавании русской словесности в Воронежской губернской гимназии, А.Н.Афанасьев справедливо отмечает, что «эти недостатки едва ли в то время не были общими для всех учебников и учительских записок» (1, 278).

Заканчивалось обучение в гимназии, впереди была Москва и университет, и хотя заканчивался воронежский период в его жизни, но это не означало разрыва с Воронежским краем. Еще будучи гимназистом, на вакациях, Афанасьев каждое лето приезжал в Бобров и в восхищении вспоминал впоследствии о красоте тех мест: «Одна великолепная природа мирит меня с тамошними местами и дает мне несколько приятных воспоминаний» (1, 287).

Позже, Афанасьев – уже известный фольклорист и мифолог – будет постоянно поддерживать отношения с воронежской интеллигенцией. Во время своих приездов в Воронеж он будет посещать заседания «второвского кружка», организует сбор фольклорного материала по всей губернии. Все, что собрано непосредственно

Афанасьевым, записывалось на его родине в Воронежской губернии (несколько сказок, и легенд, около 500 пословиц (2, 15).

Афанасьев поддерживал отношения и переписывался как с самим Н.И.Второвым, его другом К.О.Александровым-Дольником, так и с редактором журнала «Филологические записки» А.А.Хованским. Он публикует ряд статей в его журнале («Сказка и миф», «О радуге», «Болезни по славянским преданиям»).

Вел переписку Александр Николаевич и с известным воронежским публицистом М.Ф.Де-Пуле. Зная А.Н.Афанасьева по Воронежской гимназии, М.Ф.Де-Пуле вспоминал позже: «Он и его старший брат Иван Николаевич, мой одноклассник, обучались в Воронежской гимназии и резко отличались от своих товарищей даровитостью и бойкостью... Находясь в старших классах гимназии и будучи одним из первых учеников Александр Николаевич обнаружил редкие литературные способности, которые, впрочем, ни развить, ни направить было тогда некому в гимназии» (3).

В 1844 г. А.Н.Афанасьев поступает на юридический факультет Московского государственного университета. Влияние университета на формирование личности, научных и общественных интересов писателя было поистине огромно. Характерно, что занимаясь изучением истории и права современной России, Афанасьев постоянно тянется к изучению фольклора, этнографии, литературы. Помимо лекций профессоров-правоведов он посещал лекции историка литературы С.П.Шевырева, историков Т.Н.Грановского и С.М.Соловьева, лингвиста и фольклориста Ф.И.Буслаева.

В 1849 году Афанасьев был принят на службу в Московский архив иностранных дел. Здесь он проработал до 1862 года. "Это были самые счастливые и творчески напряженные годы, в жизни Афанасьева. В этот период была создана большая часть его работ" (6, У). Разнообразие его научных интересов поражает: история, право, литература, фольклор, этнография, и наконец, мифология. Список его научных трудов за 50-60-е годы составляет 150 наименований.

Афанасьев печатается в "Современнике" Некрасова и Панаева, в "Отечественных записках" Краевского, а также в таких специальных периодических изданиях, как "Архив историко-юридических сведений, относящихся до России", издаваемый Н.В.Калачовым, "Временник общества истории и древностей российских", в других журналах. Известны статьи Афанасьева по истории русской литературы. Особенно его интересовал 18 век, его любимым поэтом этого периода был М.В.Ломоносов. Афанасьев писал о Новикове, Фонвизине, Кантемире и др. Есть статьи, посвященные русской литературе XIX века: о Пушкине, Лермонтове, Полежаеве, Кольцове. А.Н.Афанасьев обладал исключительной работоспособностью, читателей поражала скрупулезность и точность в исследованиях. Не случайно он был известен и как библиограф. В 1859-1860 годах им издавался журнал "Библиографические записки".

Со временем все больше и больше определяется главное направление в творчестве А.Н.Афанасьева, его все больше интересует славянская мифология, фольклор и этнография. Уже в 1850 году выходят статьи "Дополнения и прибавления к собранию "Русских народных пословиц и притчей, изданному И.Снегиревым", "Дедушка домовый", "Религиозно-языческое значение избы славянина". Здесь Афанасьев впервые обращается к богатейшему источнику древней поэзии – славянской мифологии, задумывается над такими понятиями из низшей мифологии, как культ предков, культ очага, раскрывает образы домового, водяного, змея, задумывается над мифологическим значением петуха (кура).

Работы Афанасьева отличаются ярким, искренним, звучным слогом. О чем бы ни писал автор, он тут же увлекает читателя, ведет за собой. Вот, например, как пишет он

о почитании огня и очага в русском доме: "Очаг домашний был самое священное место; от него религиозный характер перешел на все жилище, в стенах которого возжигался на очаге обожествленный огонь. Изба для славянина была поэтому не только домом в обиходном смысле этого слова, местом жилья; она представлялась ему таинственным капищем, в котором пребывало благотворное светлое божество очага и в котором совершались обряды в честь этого пената. *Изба была первым языческим храмом.* Оттого слова *хоромы* (дом, жилище) и *храм* (освященное место богослужения) – филологически тождественны" (7,66-67).

Статья произвела большое впечатление не только в научном мире, но и в среди писателей и поэтов. К образам этой и других статей Афанасьева прибегали "крестьянские поэты" – С.Есенин, Н.Клюев, С.Клычков, – стремясь раскрыть мифологический смысл крестьянской избы.

В названных выше статьях началось "археологическое исследование" мифологических основ русского быта, продолженное и доведенное до конца в капитальном труде А.Н.Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов" (1866-69 гг.). Здесь Афанасьев показывает целостную картину мифологических представлений славян – как восточных, так западных и южных. В первую очередь, это космогонические представления, в основе которых лежат мифологические представления о свете, о небе, о Солнце, о дожде, огне, о древе жизни и т.д.; тотемические, фетишистские, анимистические представления (баснословные предания о животных и птицах), демонология славян, т.е. представления о разнообразных духах, населяющих окружающий человека мир (образы лешего, водяного, русалки, домового, кикиморы, ведьмы и др.). Здесь же Афанасьев дает свое толкование пантеону славянских богов, во главе которых стояло главное божество – бог-громовник Перун.

В "Поэтических воззрениях славян на природу" Афанасьев предстает перед нами как крупный ученый, представляющий русскую мифологическую школу. Он развивает далее взгляды Ф.И.Буслаева о происхождении мифа, о связи мифа и языка. Его теория основывается на достижениях немецких мифологов: братьев Гримм, Макса Мюллера, Вильгельма Шварца (его труда "Поэтические воззрения на природу греков, римлян и германцев в их отношении к мифологии первобытных времен"), "метеорологической теории" немецкого мифолога Адальберта Куна (особенно в освещении образа Перуна). Афанасьев выстраивает богатую цепь доказательств: для этого он обращается не только к славянским поверьям и произведениям фольклора, а использует данные индоевропейских народов (тексты индийских "Вед", скандинавские "эддические песни", античные и иранские мифы). Вся эта стройная картина мира могла возникнуть только на основе детальной проработки, изучения и классификации произведений народной поэзии, несущих в себе разнообразные мифологические представления.

Таковыми произведениями были, в первую очередь, русские народные сказки. Именно издание сборников русских народных сказок "прославили его имя во всем культурном мире и составляют национальное достояние по сегодняшний день" (6, У1), – отметил В.Я.Пропп. – "Если бы Афанасьев оставил нам только теоретические труды, его имя заняло бы свое место в истории фольклористики, но не было бы так популярно, как сейчас. Лучшее, что оставил Афанасьев, это его "Народные русские сказки". Он глубоко любил сказку и хорошо понимал ее поэтическую красоту. Эта теплота отношения к народной поэзии, а не абстрактно-теоретические построения, и были тем внутренним стимулом, который руководил Афанасьевым при создании сборника сказок" (6, У111-1X).

В 1851 году Афанасьев обращается к редактору "Отечественных записок" А.А.Краевскому с предложением издавать в журнале сказки с научным комментарием. Краевский согласился, но Афанасьев понимал, что рамки журнала уже тесны для его замысла. Необходимость издания русских народных сказок достаточно созрела. В русском географическом обществе, которое было создано в 1846 году, уже существовали большие собрания сказок. 23 февраля 1852 года совет географического общества постановил передать сказочные материалы своего архива в распоряжение Афанасьева для их издания.

В 1855 году вышел 1-й выпуск. Всего было опубликовано 8 выпусков, включающих около 600 сказок. Закончено первое издание было в 1863 году. Сразу после выхода сказок Афанасьев начал готовить второе издание. В предисловии к нему он писал: "Цель настоящего издания объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок" (11, 121). Второе издание вышло в 1873 году уже после смерти Афанасьева.

Александр Николаевич разработал свою классификацию сказок и расположил их по теперь уже традиционной схеме: сказки о животных, волшебные сказки, социально-бытовые сказки. Отдельно он выделил другие виды сказок: сказки на былинные сюжеты, фантастические предания, анекдоты, докучные сказки. Каждая сказка получила свое название и номер, Афанасьев дает не только основной сюжет сказки, но и ряд вариантов, если таковые имелись. Все последующие пять изданий (изд.3-е, под ред. А.Е.Грузинского. – М., 1897; изд. 4-е, под ред. А.Е.Грузинского. – М., 1913-14 гг.; изд.5-е, под ред. М.К.Азадовского, Н.П.Андреева, Ю.М.Соколова. – Л.,1936; изд.6-е, под ред. В.Я.Проппа. – М., 1957; изд. 7-е, под ред. Л.Г.Бараг и Н.В.Новикова) делались по типу второго афанасьевского издания.

В прежних сборниках тексты сказок исправлялись, издатели стремились сделать язык сказок более литературным, изменяли стиль изложения, как, например, в сборниках М.Д.Чулкова "Пересмешник, или славенские сказки" (1761), В.Беразайского "Анекдоты древних пошехонцев" (1798), Б.Броницына "Русские народные сказки", И.П.Сахарова "Русские народные сказки" (1841). Афанасьев придерживался принципа неприкосновенности текста, делая изменения в крайне редких случаях.

В основе материала сборников русских народных сказок лежали тексты, собранные В.И.Далем, а также П.И.Якушкиным, переданные ими Русскому географическому обществу, которое, в свою очередь, передало их А.Н.Афанасьеву.

Сказок, собранных самим Афанасьевым, немного – 10-12 номеров (вместе с вариантами – это 22 сказки). Сюда входят как сказки, записанные самим Афанасьевым, а также переданные ему Н.И.Второвым и его товарищем Александровым-Дольником. Все эти записи сделаны в Воронежской губернии в *Бобровском уезде* (10) – ("Лисичка-сестричка и серый волк", "Баба-яга", "Ивашко и ведьма", "Правда и кривда", "Свинка золотая щетинка, утка золотые крылышки, золоторогий олень и золотогривый конь", "Царь-медведь", "Чудесная дудка", "Хитрая наука", "Сестрица Аленушка и братец Иванушка", "Разбойники");

Землянском уезде (1) – ("Сказка о злой жене");

Нижнедевицком уезде (1) – ("Лихо одноглазое");

Без указания уезда (10) – ("Звери в яме", "Коза", "Королевич и его дядька", "Три царства – медное, серебряное и золотое", "Петух и жерновцы", "Морской царь и Василиса Премудрая", "Оклеветанная купеческая дочь", "Разбойники", "Рассказы о мертвецах", "Вор").

Остановимся подробнее на сказках, записанных в Воронежской области. Как и во всем афанасьевском собрании сказок главное место здесь принадлежит волшебным сказкам, сказок о животных и социально-бытовых сказок гораздо меньше. Это связано с тем, что "фольклористика середины XIX века особое значение придавала волшебным сказкам, считая их наиболее древними и потому особенно ценными. Действительно, волшебные сказки сохранили остатки некоторых древнейших языческих представлений, как, например, веры в хозяев лесов, морей, гор, стихий (баба-яга, морской царь, змей Горыныч, Морозко), культа предков (умерший отец дарит коня), веры в оборотничество "(6, XIY-XV). Но все же несколько сказок о животных в воронежских записях имеется. Это сказки "Лисичка-сестричка и волк", "Звери в яме", "Коза".

Сказка "Лисичка-сестричка" – одна из самых распространенных сказок о животных. Лисичка-сестричка традиционно хитра и коварна. "А Лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть"(9, т.1, 4). Лисица обманула и старика, и волка, и петуха. Один только мужик перехитрил ее, напустив на нее собак. Перед нами типичная сказка о животных, ведь лисица предстает перед нами со всеми характерными для этого животного повадками: ловкостью, хитростью, осторожностью. В другой сказке "Звери в яме" опять главной героиней является лиса. Но здесь появляются уже и домашние животные – боров, который оказался хитрее всех диких животных – заманил их всех в яму. Лисица, желая выбраться из ямы, обманывает всех попавших туда зверей. То предложит тянуть вверх голос, выясняя, у кого слабее голос; то предложит медведю набрать себе еды, зацепившись за собственные ребра. Справиться с лисой смог только дрозд, также обманув ее.

Все названные сказки имеют цепочную структуру: эпизод нанизывается на эпизод, происходит ряд встреч. Но особенно ярко этот традиционный прием мы видим в сказке "Коза", имеющей стихотворную форму.

Пошла коза за лыками;
Козы нету за рекой.
«Ну, постой же ты, коза,
Я найшу на тебя волка».
Волк нейдет козы резать:
Козы нету за рекой,
«Ну, постой же ты мне, волк!
Я найшу на тя медведь». (9, т.1, 89)

И затем последовательно появляются все новые и новые персонажи: на медведя насылается дубье, на дубье – топор, на топор – камень, на камень – лом, на лом – кузнец, на кузнеца – плеть.

Плеть идет кузнеца бить,
Кузнец идет лом варить,
Лом идет камень дробить,
Камень идет топор точить,
Топор идет дубье рубить,
Дубье идет медведь бить,
Медведь идет волка драть,
Волк идет козу резать! (9, т.1, 89)

Такие сказки предназначались для детей, для тренировки их памяти, для изучения ребенком окружающего его быта, животного и растительного мира. Такую сказку-скороговорку надо было уметь рассказывать одним духом, и ребяташки очень гордились таким умением.

Волшебные сказки, записанные Афанасьевым в Воронежской губернии, достаточно разнообразны. В них представлены характерные для всех волшебных сказок образы и их функции.

Это, в первую очередь, образ Бабы-Яги. Баба-Яга имеет две основные функции: воительницы и дарительницы (по классификации В.Я.Проппа). В сказке «Баба-Яга» этот образ Яги – воительницы, враждебно настроенной к героине. «Баба-Яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-Яга гонится и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река такая широкая-широкая! Баба-Яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела» (9, т.1, 157).

Баба-Яга предстает в сказках, записанных Афанасьевым в Воронежской губернии, и в другом облики: в образе-дарительницы. В сказке «Морской царь и Василиса премудрая» баба-яга так встречает героя: «Шел-шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?» – «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом распроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет». Баба-Яга предлагает герою помощь: «говорит ему баба-яга: «Иди, дитятко, на море; прилетят туда двенадцать колпич, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадись потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею ступай к Морскому царю, и попадутся тебе навстречу Обьедало и Опивало, попадетса еще Мороз-Трескун – всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся» (9, т.2, 174). В сказке появляются и другие герои-помощники – мифологические персонажи: Морской-царь, Обьедало, Опивало, Мороз-Трескун.

В сказке "Ивашко и ведьма" роль Бабы-Яги выполняет ведьма. Подделывает свой голос под голос матери Ивашечки, крадет его; приказывает своей дочери Алёнке: "истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей – моих приятелей." (9, т.1, 174) Ведьма здесь показана в образе людоедки, а также жрицы огня: хочет засунуть Ивашечку на лопате в печь.

В сказках, записанных Афанасьевым, заметно ощущается наша черноземная специфика, есть отдельные украинские слова: ведь создавались эти сказки в порубежье Украины и России. Например, когда Ивашко вернулся домой, он не сразу дает о себе знать: "Напекла баба блинов и говорит: "Ну, старик, давай делить блины: это - тебе, дед, это - мне; это - тебе, дед, это - мне..." – "А мне нема!" – отзывается Ивашко. "Это – тебе, дед, это - мне." – "А мне нема!" – "А ну, старик, – говорит баба, посмотри, щось там таке?" (9, т.1, 176).

В волшебных сказках, записанных Афанасьевым в нашем крае, есть персонажи, связанные с соляренным культом славян. В сказке "Королевич и его дядька" Иван Царевич добывает лошадей, у которых "грива золота, хвост золотой, по бокам звезды; коров, у которых рожки золотые, хвосты золота, по бокам – звезды". В другой сказке герои солярного культа звучат в самом названии – "Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь".

В сказках открывается мир волшебной красоты. Иван-царевич побывал в 3-х царствах: медном, серебряном и золотом. Его матушку – Настасью золотую косу уносит Вихрь, держит ее в заточении в бриллиантовом дворце: "Шел, шел и приходит к такому дворцу, что и боже мой! Так и горит в бриллиантах и самоцветных камнях" (9, т.1, 233). Герою удастся победить Вихря с помощью сильной и бессильной воды, в его руки попадает волшебная дудочка, чудесными помощниками становятся "хромой да кривой". Они помогают сшить Ивану-царевичу для Елены Прекрасной "башмаки дивные, драгоценными камнями убранные", платье подвенечное, золотом вышитое, бриллиантами и драгоценными камнями усеянное.

"Чем свет проснулся Иван-царевич, а платье на столе лежит, как жар горит, - так всю комнату и осветило" (9, т.1, 237). "Хромой да кривой" строят Ивану-царевичу золотое царство: "чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой, тот мост устлан дорогим бархатом, а около перил по обеим сторонам росли бы деревья чудные и певчие б птицы разными голосами воспевали" (9, т.1, 237). Великолепие этой картины восхищает, говорит о мастерстве сказочника, о богатстве и высоком искусстве народной речи.

Волшебная сказка донесла до нас отголоски древних тотемических верований славян. Таким ярким образом, сохранившимся и в воронежских записях Афанасьева, был образ Сивки-бурки, верного помощника героя. "Поехали они, а дурак потащился на худой, паршивой лошаденке. Выехал в поле да как крикнет зычным голосом: "Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травой.» Откуда ни взялся отличный конь, бежит – земля дрожит. Дурак влез ему в одно ушко, в другое вылез и сделался такой молодец да красавец, что и не видывано и не слыхивано!» (9, т.2, 15).

В образе Сивки-Бурки несомненно отразился тотемический миф о сверхестественном родстве человека и животного, о родственных связях между ними и, следовательно, о заботе тотемного предка о человеке. Такова и сказка «Царь-медведь», где действуют царь-медведь, ясный сокол, орел, бычок-др...нок, конь и собачка. Царь-отец выполняет роль строгого хозяина всех зверей, требующий особого почитания и жертвоприношения себе, например, обещанные ему в дар царские дети. Другие животные становятся верными помощниками героям. Характерно, что когда бычок устроил судьбу Ивана-царевича и Марьи-Моревны, он предложил им резать его. «Вот вам дом! – сказал бычок. – Живите – не тужите. А на дворе приготовьте сейчас костер, нарежьте меня, да на том костре и сожгите.» – «Ах! – говорят царские дети. – Зачем тебя резать? Лучше живи с нами; мы за тобой будем ухаживать, станем кормить тебя свежую траву, поить ключевой водою.» – «Нет, сожгите меня, а пепел посеете на трех грядках: на одной грядке выскочит конь, на другой собачка, а на третьей вырастет яблонька; на том коню ездят ты, Иван-царевич, а с тою собачкой ходи на охоту». Так все и сделалось» (9, т.2, 92-93).

Перед нами описание архаичного древнего обряда, разумеется, данного уже в художественном сказочном преломлении. Волшебная сказка, как мы видим, донесла до нас следы древних обрядов славян. В данном случае перед нами обряд почитания тотемического предка. Только в случае его исполнения, тотемные предки будут покровительствовать герою. Таков же подтекст сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Невыполнение обряда, связанного с почитанием тотемного предка, наказывает братца Иванушку: нельзя пить ту воду, которую могут пить тотемные животные, иначе превратишься в них.

О своеобразии волшебной и социально-бытовой сказки А.Н.Афанасьев писал в предисловии ко второму изданию "Сказок": "Как ото всех народных произведений, от сказок веет поэтической чистотой и искренностью; с детской наивностью и простотой, подчас грубою, они соединяют честную откровенность. Мы говорим о сказках древнейшего образования. В позднейшем своем развитии и сказка подчиняется новым требованиям, является послушным орудием народного юмора и сатиры и утрачивает первоначальное простодушие (см. сказки о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове, о Шемякином суде и др.)" (11, с.125).

Социально-бытовых сказок, записанных Афанасьевым в Воронежской губернии немного – всего восемь, хотя сейчас записывают в большинстве своем именно социально-бытовые сказки. Например, в сборнике «Народные сказки Воронежской

области. Современные записи», вышедшем в 1977 г., опубликовано 17 сказок о животных, 27 волшебных сказок и 51 социально-бытовая сказка (10).

В социально-бытовых сказках, записанных Афанасьевым в нашем крае, действуют герои, характерные для этого вида сказок. Это иносказательные персонажи – Лихо Одноглазое, Правда и Кривда; это главные герои – мужик, кузнец, разбойник, вор; это их антогонисты – барин, староста, злая жена, черт.

Главным героем социально-бытовой сказки, как было уже отмечено, является простой мужик, с которым приключаются всевозможные несчастья и который находит в себе силы их побороть. Символом таких несчастий и стало Лихо Одноглазое. Начинается сказка парадоксально: герой (кузнец) сам ищет себе горе. «Что, – говорит, – я горе никакого не видел. Говорят, лихо на свете есть; пойду поищу себе лихо» (9, т.2, 431). Сказка верно подметила черту, свойственную нашему народу. Бывает, что залихватское и самонадеянное берет верх в его настроениях, и тогда беды сыпятся на мужичьи головы, пока сам мужик не спохватится да не наведет порядок в своем доме, в своей судьбе. На наш взгляд, сказка необычайно современна и актуальна. Весьма серьезен и поучителен ее финал: «Прощай, Лихо! натерпелся я от тебя лиха; теперь ничего не сделаешь». Она говорит: «Постой, еще натерпишься, ты не ушел» (9, т.2, 432). Пришлось кузнецу еще потерять руку, и только тогда признался он своим односельчанам, что «теперь видел лихо».

В сказке "Правда и Кривда" в иносказательной форме говорится об очень серьезных вещах: как жить лучше – правдой или кривдой. Эта сказка по своей краткости и дидактичности приближается к притче. Герои сказки – правдивый и криводушный не имеют имени, они названы по ведущему свойству души. Вот как писал об этой сказке сам А.Н.Афанасьев: "Правдивый – терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастью, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды – и криводушный погибает жертвою собственных расчетов." (11, 125).

В других социально-бытовых сказках на первый план выходит не дидактическая, а юмористическая, сатирическая сторона. Например, в сказке "Злая жена" вздорный, неуступчивый характер жены высмеивается с помощью различных комических приемов. Это комизм положений, алогизм: назло мужу, она прыгает с моста в реку с полной пазухой камней. Это использование в комических целях повторов (эпифор), синтаксических параллелизмов: "Собирался мужик в поле, говорит жене: "Не пеки блинов". А жена говорит: "Вот таки напеку!" – "Если напекешь, так в поле не носи". – "Вот таки напеку и понесу!" – "А понесешь, так через мост не ходи". – "А вот пойду, так пойду!" – "А пойдешь, так каменьев в пазуху не клади". – "Вот накладу, так накладу!" – "А накладешь, так с мосту в воду не сигай". – "Вот сигну, так сигну!"... (9, т.3, 245).

"Народные русские сказки А.Н.Афанасьева" – это целый мир. Можно бесконечно перебирать их варианты, образы, сюжеты, удивляясь и восхищаясь народной фантазией и той бесконечной любовью, с которой эти сказки собраны и подготовлены издателем. Какой искренней теплотой дышат эти слова: "Народные русские сказки раскрывают перед нами обширный мир. Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном доисторическом быте славянских племен; олицетворенная стихия, вещие птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы – все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столько пленительный своею младенческою наивностью, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного" (11, 122).

В свой сборник сказок А.Н.Афанасьев не включил легенды, так как вполне справедливо считал их особым жанром. Действующими лицами легенд являются персонажи Ветхого завета – Ной, Соломон; Нового завета – Христос и его апостолы или святые – Георгий, Касьян, Никола и др. Сборник "Народные русские легенды" был издан в 1859 году в Москве в издании К.Солдатенкова и Н.Щепкина тиражом в 1200 экземпляров и был раскуплен в три недели. В том же 1959 году этот сборник был издан А.И.Герценом в Лондоне. "Предполагается, что лондонское издание опережало московское, и набор в московской типографии осуществлялся по печатному тексту лондонского издания, а не по рукописи" (12, 6).

Сборник состоял из 33 легенд. Сюда вошли записи самого А.Н.Афанасьева, собрания В.И.Даля, П.И.Якушкина, П.В.Киреевского. Однако наряду с собственно легендами – устными прозаическими рассказами религиозного, духовно-нравственного содержания – в сборнике имеются духовные стихи ("Егорий Храбрый"), тексты, взятые из старинных рукописей 18 века ("Повесть о бражнике").

Среди легенд, записанных самим А.Н.Афанасьевым в Воронежской губернии, можно выделить несколько типов. Это легенды о хождении Христа и апостолов между людьми, Христос ходит по деревням и испытывает людей: посылает сокровища богачу, прибавляет новые страдания бедным, но зато небесное правосудие в будущем дает каждому по заслугам (легенда №3 "Бедная вдова"). Есть легенды о попытках черта соблазнить праведного пустытника (легенда №20 "Пустытник и дьявол"). Наконец, есть легенда чисто дидактического содержания, в которой рассказывается, какая судьба ожидает себялюбивых людей, неблагочестивых (не творящих молитвы) и пьяниц (легенда № 21 "Пустытник").

Легенды, записанные А.Н.Афанасьевым в Бобровском уезде, обстоятельны, обладают яркой образностью. Характеры главных персонажей (Христа, апостолов, благочестивой вдовы, богатого мужика, несчастного мужика, горького пьяницы) типичны, соответствуют общероссийской традиции. Особенно это касается легенд «Бедная вдова» и «Пустытник». Поведение героев, как и принять в легендах, полярно: богатый мужик не пускает на ночлег Христа с апостолами, идущих по дороге под видом простых людей; недоволен, что ему мало досталось золота, хотя их была целая бочка. Вдова же – «бедная, прибеднеющая», – как и положено проявляет гостеприимство, отдавая им последнюю «махонькую краюшечку хлеба и горсточку мучицы». За это Христос являет чудо. Без такого явления немислима ни одна легенда. Краюшечка хлеба накормила всех – и гостей, и хозяев, а горсточка муки удалось напечь много блинов, да еще и на другой раз осталось. Вдова приветлива с гостями, ласкова, постоянно славит бога, несмотря на то, что ее жизнь очень трудна.

Народные легенды привлекали А.Н.Афанасьева заметной связью с древнейшим поэтическим творчеством народа. "Это все памятники глубокой старины, того давно прошедшего времени, когда благочестивый летописец, пораженный действительным смещением в жизни христианских идей и обрядов с языческими, назвал народ наш *двоеверным*" (13, 13). В предисловии Афанасьев особо выделил следы тотемических представлений в народных легендах, например: "Медведь, говорят поселяне, был прежде человеком, он и теперь пьет водку, ест хлеб, ходит на задних лапах, пляшет и не имеет хвоста. Когда-то в старину странствовали по земле св. Петр и св. Павел. Случилось им проходить через деревню около моста. Злая жена и муж согласились испугать святых путников, надели на себя вывороченные шубы, притаились в укромном месте, и только апостолы стали сходить с моста – они выскочили им навстречу и заревели по-медвежьи. Тогда св. Петр и св. Павел сказали: "Щоб же вы ривили отныни и до вика!" С той самой поры и стали они медведями. Такой рассказ можно услышать от поселян Харьковской губернии" (13, 16).

Сборник пропустила светская цензура, духовная цензура сразу же после его выхода отметила отрицательное, насмешливое отношение к церковной морали ("печатное кощунство и поругание"), и хотя сборник уже вышел, наложила запрет на его переиздания. Запрет был снят только в 1914 году, тогда же "Легенды" вышли двумя изданиями в Москве и в Казани.

Еще более возмутило духовенство издание "Русских заветных сказок" в Женеве в 1872 году, уже после смерти автора. Это сказки эротического содержания, полные жизнерадостного, порой грубоватого народного юмора. Этим изданием А.Н.Афанасьев восполнил недостающее звено в богатой тематике не только русской народной сказки, но и сказок народов мира. Характерно, что и в этом сборнике осмеянию подвергнуты в большей степени те, кто по роду своих занятий должны следить за нравственным обликом своих прихожан, своих крестьян – духовенство, дворянство.

Современными учеными установлено, что между А.Н.Афанасьевым и А.И.Герценом, его журналом "Полярная звезда" существовали негласные, но тесные контакты; Афанасьев готовил материалы для лондонского журнала. А летом 1860 года Афанасьев совершил заграничную поездку в Германию, Швейцарию, Италию, также кратковременно находился в Англии, где состоялась тайная встреча с А.И.Герценом.

Все это стало в конце концов известно властям, на квартире А.Н.Афанасьева был произведен обыск, и хотя ничего предосудительного найдено не было, в 1862 году он лишился работы в московском Главном архиве иностранных дел. Мало того, Афанасьеву было запрещено впредь состоять на государственной службе. Издателя "Легенд", сатирических социально-бытовых сказок, "Заветных сказок", исследователя славянского язычества обвинили в антирелигиозных, и даже антиправительственных настроениях.

Начались тяжелые времена. А.Н.Афанасьев оказался без средств к существованию, ему пришлось продавать книги из своей уникальной библиотеки. У писателя началась скоротечная чахотка. Удивительно, как в такое трудное время он смог написать капитальный труд "Поэтические воззрения славян на природу", закончить его и издать в 1866-69 годах. Только через четыре года после увольнения со службы ему удалось устроиться на работу: сперва секретарем в думе, потом в мировом съезде, в коммерческом банке. Но здоровье поправить так и не удалось, хотя друзья Афанасьева помогли ему съездить под Самару "на кумыс", пытаясь его вылечить от чахотки. Все попытки были тщетны, и в сентябре 1871 года в сорокопятилетнем возрасте Александр Николаевич Афанасьев скончался. Он был похоронен в Москве на Пятницком кладбище.

"Кончина Афанасьева стала для отечественной науки потерей невозполнимой, ибо был он не просто выдающимся исследователем (каких немало в русской науке), но ученым мыслителем, намного опередившим свое время. Россия демократическая Афанасьева помнила и справедливо предрекала его трудам великое будущее. И.С.Тургенев в письме к А.А.Фету от 8 января 1872 года так откликнулся на известие о кончине ученого: "Недавно А.Н.Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда наши с вами, любезный друг, давно уже покроются мраком забвения" (14, 4).

Будем же и мы, земляки ученого, писателя, издателя помнить о его великом вкладе в русскую культуру.

Литература:

1. Афанасьев А.Н. До гимназии и в гимназии. // А.Н.Афанасьев. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. – М., 1986.
2. Фольклор Воронежского края. Библиографический указатель. Сост. В.А.Павлова. – Воронеж, 1965.
3. М.Де-Пуле. Некролог. Газета «Санкт-Петербургские ведомости». – 1871, №298.
4. Афанасьев А.Н. Московский университет (1844-1848 гг.) // А.Н.Афанасьев. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. – М., 1986.
5. Грузинский А.Е. Афанасьев (Биографический очерк), с.ХУ1. // Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. – Т.1, 1897. Цит. по ст. Налепина А.Л. Археолог славянских древностей. // А.Н.Афанасьев. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. – М., 1986.
6. Пропп В.Я. Предисловие. // Народные русские сказки А.Н.Афанасьева в 3-х томах. – Т.1. – М., 1957.
7. Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина. // А.Н. Афанасьев. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. – М., 1986.
8. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. // Ф.М.Достоевский. Собр.соч в 12 тт. – Т.2, с.304.
9. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева в 3-х томах. – М., 1957.
10. Народные сказки Воронежской области. Современные записи. Под ред. А.И.Кретьова. – Воронеж, 1977.
11. Афанасьев А.Н. Предисловие ко второму изданию "Народных русских сказок". // А.Н.Афанасьев. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. – М., 1986. – с.120-128.
12. Кузнецова В.С. Предисловие. // Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. – Новосибирск, 1990.
13. Предисловие А.Н.Афанасьева к его собранию народных легенд. // Народные русские легенды А.Н.Афанасьева. – Новосибирск, 1990.
14. Налепин А.Л. Археолог славянских древностей. //Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор.Литература. – Москва, 1986.